

Оксана Владимировна Головашина

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ovgolovashia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9911-175X

ResearcherID: 3757-2016

SPIN-код: 3493-3930

От санкций канселлинга к новой форме коллективной ответственности

Аннотация. Цель работы – рассмотреть, как практики и дискурс канселлинга крупных сообществ могут быть использованы с целью прояснения некоторых аспектов проявления коллективной ответственности в изменившихся социально-политических условиях. Теоретико-методологической базой работы стали идеи И. Канта, Х. Арендт, А.М. Янг, в соответствии с которыми под коллективной ответственностью понимается отношение, определяемое степенью принадлежности к сообществу и участием в причинах действий, породивших вопрос об ответственности. Современная этика ответственности предполагает переход к прагматичному обоснованию индивидом своей собственной моральной позиции, что актуализирует идею степени вовлеченности индивида в действия сообщества, однако индивид оказывается ответственным не столько за действия сообщества, сколько за свой моральный выбор. Практики канселлинга крупных сообществ обращают внимание на политический аспект коллективной ответственности, из чего вовсе не следует, что коллективная ответственность, связанная с культурой отмены, является политической. Канселлинг конституирует новый вариант коллективной ответственности, для которой характерны следующие особенности: 1. Ориентирована на происходящее в настоящем. 2. Имеет институциональный характер. 3. Предполагает конструирование субъекта в процессе формирования соответствующего дискурса, этот субъект не совпадает с актором и конструируется в момент вменения санкций канселлинга. 4. Определяется степенью принадлежности к сообществу, а не совершенными действиями. 5. Цели акторов связаны с воздействием на политическую ситуацию и побуждением к политическим решениям.

Ключевые слова: культура отмены; коллективная ответственность; политическая ответственность; историческая ответственность; отмены русской культуры

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Культура отмены как современная форма социальная социального остракизма все чаще касается отдельных личностей, брендов, но и распространяется на крупные сообщества, в том числе, государства. Отмены концертов и исполнений произведений российских авторов, в том числе, классических¹, акцентуация украинского происхождения известных художников², переименование картин³, запрет российским спортсменам участвовать в Олимпиаде под национальным флагом, так как «для спортсменов из Украины неприемлемо соревноваться со спортсменами России-агрессора и ее ближайшего союзника Беларуси, особенно на Олимпийских играх»⁴, можно рассмотреть как яркие примеры отмены русской культуры. Отмечая, что это не новое явление в международной политике, исследователи приводят в примеры отмену сербского народа (Энтина 2022),

¹ Borys Godunow odwołany, 01.03.2022 // Opera Narodowa. URL: <https://teatrwielki.pl/teatr/aktualnosci/aktualnosc/borys-godunow-odwolany/> (дата обращения: 12.02.2025); *Marczyński J.* Muzyka nie na ten czas. Rosyjscy kompozytorzy spadają z afisza, 02.03.2022. URL: <https://www.rp.pl/kultura/art35793101-muzyka-nie-na-ten-czas-rosyjscy-kompozytorzy-spadaja-z-afisza> (дата обращения: 12.02.2025); *Rausz J.* Filharmonia Pomorska rezygnuje z utworów rosyjskich kompozytorów, 01.03.2022 // Portal historyczny. URL: <https://dzieje.pl/kultura-i-sztuka/filharmonia-pomorska-rezygnuje-z-utworow-rosyjskich-kompozytorow> (дата обращения: 12.02.2025).

² Метрополитен-музей назвал Айвазовского и Репина украинскими художниками, 12.02.2023 // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/12/02/2023/63e935839a7947d46ec9c454> (дата обращения: 12.02.2025).

³ *Мамиконян О.* Лондонская национальная галерея переименовала картину Дега «Русские танцовщицы», 04.04.2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/461285-londonskaa-nacional-naa-galerea-pereimenovala-kartinu-dega-russkie-tancovsicy> (дата обращения: 12.02.2025).

⁴ *Mayer S.* Olympische Spiele 2024 müssen ohne Russland und Belarus stattfinden, 09.03.2023. URL: <https://www.cducsu.de/presse/pressemitteilungen/olympische-spiele-2024-muessen-ohne-russland-und-belarus-stattfinden> (дата обращения: 12.02.2025).

взаимные бойкоты Олимпиад Советским Союзом и США, отказ короля Георга V носить немецкую фамилию Саксен-Кобург-Гот во время Первой мировой войны или указ Николая II, в соответствии с которым было запрещено принимать на работу немцев в тот же период. Эти и подобные кейсы рассматриваются исследователями через оптику информационных войн (Мусиева 2022), в качестве «механизма политического давления и навязывания» (Энтина 2022: 99), как «орудие политического контроля» (Чугров 2022: 90) или девиация социального порядка (Бойко 2021). Соглашаясь с тем, что эти интерпретации имеют определенный эвристический потенциал, связанный с возможностью выработки нового языка описания для культуры отмены и работающей исследовательской оптики некоторых аспектов международных отношений и культурной политики, мы будем рассматривать канселлинг как одну из санкций коллективной ответственности. В отличие от предыдущих работ (Головашина 2024a; Головашина 2024b) предлагаемая статья не ставит своей целью выработку языка описания для исследования cancel culture, наоборот, практики и дискурс канселлинга будут использоваться для прояснения некоторых аспектов проявления коллективной ответственности в изменившихся социально-политических условиях. Поводом для работы над статьей стали призывы к отмене русской культуры, некоторые из которых приводились выше. Несмотря на то, что эти призывы нельзя называть повсеместными и считать успешными, существующие кейсы поднимают вопросы о применимости актуальных теорий коллективной ответственности, их релевантности современным социально-политическим условиям, а также о влиянии культуры отмены на международные отношения.

Уникальность коллективной ответственности как объекта осмысления в том, что определяемые ей отношения выходят за пределы конкретных действий субъектов, а определяются прежде всего их принадлежностью (не всегда важно, задокументированной или нет) к сообществу, что повышает актуальность вопросов, связанных с идентичностью и процессами идентификации. Также важно, что канселлинг актуализирует специфическую форму коллективной ответственности, отличную от политической или исторической.

Далее, в соответствии с предлагаемой И. Кантом трактовкой, ответственность будет рассматриваться применительно к действиям, предполагающим свободный выбор. То есть, наиболее распространенные кейсы канселлинга, как правило, связаны с ценностными аспектами; субъект или сообщество подвергаются отмене не за какие-либо врожденные качества (раса, гендер, этнос), а за отношение к этим качествам, противоречащее распространенным в том или ином сообществе нормам, или за соответствующие действия. В отличие от врожденных качеств и принадлежности, отношение может меняться, то есть, в известной степени определяется свободным выбором, и одна из целей канселлинга может состоять именно в таком изменении отношения, публично озвучивании этого изменения и совершении последующих действий, хотя обычно речь идет только об осуждении и исключении. В случае канселлинга крупных сообществ не имеет значения позиция отдельного представителя сообщества, но только его принадлежность; высказанная публично позиция, противоречащая позиции сообщества, приводит к исключению из сообщества конкретного представителя, озвучивающего эту позицию.

Распространение идей Канта на ответственность не только индивидов, но и сообщества связано с работами К. Ясперса и Х. Арендт. Влияние оказали Нюрнбергский трибунал и последующие суды над нацистскими преступниками; эти процессы можно интерпретировать в качестве практической апробации концепции коллективного обвиняемого, с опорой на степень принадлежности и вовлечения в сообщество конкретного его представителя. К. Ясперс впервые поставил вопрос о коллективной вине и ответственности в работе «Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии», опубликованной уже в 1946 году (Ясперс 1999). Он говорит о различных видах вины (уголовная, моральная, политическая, метафизическая) и предлагает концептуализацию ответственности как следствия политической вины. Х. Арендт, во-первых, в отличие от Ясперса, строго разделяет вину и ответственность, во-вторых, в отличие от Канта, говорит об ответственности сообщества, а не отдельных индивидов (Арендт 2013а: 205-217; Арендт 2013b: 47-82). Ответственность у Арендт предстает не как определенный феномен, а в качестве возможности этического выбо-

ра в ситуации чрезвычайного положения (К. Шмитт), то есть, Арндт пишет о необходимости самостоятельного осмысления принимаемых решений, несмотря на условия диктатуры, затрудняющей эту самостоятельность. В этом случае стоит говорить о присвоении коллективной ответственности: когда отдельный представитель коллектива чувствует свою личную ответственность за то, что он делает; коллективная ответственность в таком случае ощущается как личная. А.М. Янг, осмысляя кейс с транснациональными корпорациями и действиями активистов, выступающими за улучшение условий труда, говорит о структурной ответственности (Young 2004: 365). Это позволяет Янг переставить акценты с индивидуальных решений, которые были объектом внимания Арндт, на деперсонализацию как следствие большого количества посредников, по-разному влияющих на принятие решений, просчитать последствия которых в этой ситуации почти невозможно. «У Янг ответственность из явления (состояния) становится отношением. Если ответственность оказывается отношением, то человек (отвечающий) выступает, пусть и одним из, но все-таки актором, то есть, от его действий, наряду с другими акторами, также зависит результат. Поэтому он не может снимать с себя ответственность, хотя и не является единственным отвечающим» (Головашина 2021: 25).

Как правило, теоретики разделяют вину и ответственность, связывая первую с личным свободным выбором, а вторую – с социальными связями, основанными на доверии, подчинении, солидарности и т.д., частью которых выступает индивид. Таким образом, идея ответственности как следствие вины «должна уступить место идее ответственности без вины – под давлением таких понятий как солидарность, безопасность и риск, склонных занять место идеи вины» (Рикер 2005: 55). Вопрос об ответственности в этом случае, как заметила А. Янг, оказывается связан с каузальностью (Young 2004: 365), то есть, имеет значение не оценка последствий действий, а исследование роли индивида в их причинах.

Таким образом, коллективная ответственность представляет собой не явление или состояние, а отношение, определяемое степенью принадлежности к сообществу и участия в причинах действий, породивших вопрос об ответственности.

Проблема позиции Янг для анализа кейсов с ответственностью крупных сообществ в том, что ее исследование касается больше корпораций, то есть, сообществ, выбор которых осуществляется индивидами, а не определяется фактом рождения (в отличие от государства). Безусловно, есть вариант публичного отказа от проводимой действующей властью политики, однако, во-первых, за этим далеко не всегда следует снижение степени ответственности (о чем могут рассказать релоканты, поселившиеся в европейских странах из-за своего несогласия с политикой, проводимой Россией), а во-вторых, этот вариант может оказаться несвоевременным. В качестве второй проблемы стоит назвать то, что Янг делает акцент на функционировании социальных и экономических структур; в случае же отмены крупных сообществ приоритетными оказываются политические структуры, а сам этот процесс можно назвать политическим.

Современная этика ответственности (Йонас 2004) предполагает переход от ее трансцендентального характера к рациональному дискурсу, то есть, прагматичному обоснованию индивидом своей собственной моральной позиции. Это актуализирует идею степени вовлеченности индивида в действия сообщества, присутствующую также у Янг, однако индивид оказывается ответственным не столько за действия сообщества, сколько за свой моральный выбор.

В случае кейсов, связанных с призывами к отмене русской культуры, ответственными признаются все, кто связан с Россией фактом гражданства, рождения, этнической принадлежности или совместной деятельности. В этой ситуации структурная ответственность, концептуализированная Янг, распространяется на всех граждан государства, отвечающих по факту своей к нему принадлежности. «Присоединение к публичному дискурсу», о котором пишет Янг (Young 2004: 380), нивелирует ответственность (например, россияне, публично выступившие против СВО, могут не подвергаться канселлингу, так как отказались от своей принадлежности к отменяемому сообществу), но не является основанием для нее, как в ситуации структурной ответственности. Однако редукция различных по своей природе процессов к нравственным, характерная для канселлинга (Симхович 2022; Цибизова 2022), не отменяет политических последствий применяемых санкций, а замена морали

морализаторством дискредитирует возможности обращения к дискурсу ответственности.

В отличие от сильного этического вектора, характерного для осмысления коллективной ответственности в современных работах (Авдеева 2019; Буллер, Линченко 2023; Зиновьева 2015; Сыров 2021), канселлинг актуализирует ее политический аспект. Речь идет о политике идентичности и ее проявлениях в современной политической реальности. Значение в этом случае имеют не конкретные действия субъектов, а кем эти субъекты являются с точки зрения действующих с позиции канселлинга акторов. Мусоргский⁵ – русский композитор, и для отменяющих не имеет значения его мнение об актуальной ситуации, которое он, конечно, не может высказать. Идентичность не является константой – можно публично заявить о другой позиции, обозначив таким образом не только другого себя, но и принадлежность к другому сообществу: «Политическая жизнь представляет собой трансформацию идентичностей через индивидуальные поступки» (Herzog 2004: 49). Речь идет не о том, что политическая ответственность распространяется только на значимых акторов политического процесса, но про то, что конкретные действия субъектов, казалось бы, не связанные с политикой (экономия воды, посещение концертов или участие в Олимпиаде) начинают приобретать политический характер.

При этом коллективная ответственность, вызванная санкциями канселлинга, не является политической самой по себе, то есть «ответственностью конкретных субъектов, чьи действия интерпретируются в качестве причины обстоятельств, за которые взыскивается ответственность» в терминологии А. Янг (Young 2004: 368) или следствием коллегиально принятых решений конкретным определенным кругом лиц, в интерпретации Ю. Нисневича (Нисневич 2013: 62). Объекты канселлинга «отвечают», например, за невысказанное несогласие с государственной политикой своей страны (что приравнивается к поддержке), и определить круг тех, кто может подвергнуться канселлингу, не представляется возможным, так как поводы отмены могут меняться. Кроме того, «политическая ответственность

⁵ См.: Borys Godunow odwołany...

всегда предполагает наличие хотя бы минимальной политической власти» (Арендт 2013b: 79), а санкциям подвергаются вне зависимости от реального участия в принятии решений.

С другой стороны, нельзя сказать, что речь идет об исторической ответственности, так как поводы/причины для канселлинга не связаны напрямую с историческим прошлым сообщества. Как и в случае исторической ответственности, субъект конструируется (Аникин, Линченко 2022; Сыров, Агафонова 2021). Применительно к исторической ответственности это происходит, в соответствии с замечанием Ж. Деррида, в момент признания вины за события прошлого, даже если (как правило) сам агент не имел к ним отношения (Деррида 2012). В исследуемых случаях субъект конструируется не в момент принятия ответственности, а в момент применения санкций, то есть осуществления операции канселлинга. Российский спортсмен мог не предполагать, что он ответственный за действия своего правительства на Украине, однако становится субъектом ответственности, когда понимает, что не может участвовать в Олимпиаде под национальным флагом. Еще более проблематичной для осмысления оказывается ситуация с отменой концертов классической музыки. Речь не идет о том, что субъектом ответственности оказывается конкретный спортсмен или композитор XIX века, их имена используются как повод для санкций, направленных на сообщество. С позиции акторов, субъект ответственности признается тождественным сообществу без градации степени вовлеченности в это сообщество, совершаемых действий/бездействий или отношения к исходным причинам, побудившим ответственность.

В рассматриваемой ситуации актор и субъект коллективной ответственности не совпадают, как в случае политической и исторической ответственности. Актором оказывается тот, кто инициирует санкции, формируя таким образом субъекта коллективной ответственности: «ответственность приписывается не только тем, кто был идентифицирован как причина тех или иных действий. Если в наших силах внести вклад в борьбу с экологическими проблемами, то мы ответственны за их решение, хотя и не являемся их причиной» (Сыров 2019: 95). Таким образом, в случае канселлинга ответственными за разрешение ситуации можно называть и акторов, и субъекта ответственности.

Конструирование субъекта в момент применения санкций придает коллективной ответственности принудительную релевантность, то есть, применяемые санкции нельзя не заметить не только конкретным «отменяемым», но и сообществу в целом – в этом одна из их целей: «Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» (Rüsen 2004: 128). Со стороны отменяющих предполагается, что санкции повлияют на действия отменяемого сообщества, то есть, формируется образ желаемого отменяющими будущего. Однако непредполагаемым акторами следствием санкций является повышение уровня солидаризации внутри отменяемого сообщества – канселлинг в этом случае усиливает оппозицию «мы–они», следовательно, «у “отменённой России” появляется возможность чётче и яснее сформулировать для себя и окружающего мира, против чего и за что она выступает, в чём состоит идея, которую она предлагает остальным» (Энтина 2022).

Конструирование субъекта ответственности в момент применения санкций приводит к тому, что мера ответственности не зависит от степени вины конкретного индивида за действия, которые выступили основой для санкций. Субъектом выступает сообщество, а конкретные индивиды подвергаются санкциям даже не по степени вовлеченности или связи с конкретными действиями/решениями (как в случае политической и исторической ответственности), а по степени представленности сообщества в его лице. То есть, неизвестный гражданин, даже имеющий близких родственников, участвующих в СВО, будет подвергаться санкциям с меньшей вероятностью, чем именитый спортсмен, музыкант. Для Мусоргского не имеет значения, что его произведения не будут исполняться, однако это важно для русской культуры вообще и культурного влияния России в мировом сообществе. В случае применения санкций канселлинга (и любых других санкций, источником которых выступает не сам субъект), ответственность не присваивается сознательно, как в случае исторической или политической ответственности, сообщество не чувствует свою вину и – как следствие – не ощущает ответственность, то есть, санкции не исполняют ту функцию, которую они должны были исполнять с позиции акторов.

Стоит отметить также специфическую темпоральность, связанную с ответственностью, конструируемой канселлингом. Если конструирование субъекта уже произошло и процесс отмены начался, время перестает иметь значение – канселлинг одинаково применим, касается ли он событий, произошедших пару дней назад (кейс Ивлевой и других участников «голой вечеринки»), высказываний, произведенных десятилетия назад или действий и взглядов представителей прошлых эпох (пересмотр фигур участников Гражданской войны в США). В культуру отмены «таинство и чудо крещения не входит; грех несмываем, прощения нет, даже покаявшийся отменённый проклят навеки» (Каспэ 2023). В случае канселлинга крупных событий не идет речь об ответственности за действия, совершенные в прошлом, о чем можно говорить при канселлинге отдельных людей. Связь с прошлым происходит только через обозначение причин, которые привели к текущей ситуации, но само по себе это не позволяет говорить об исторической или политической ответственности, в терминологии Х. Арендт. Речь идет о текущей ситуации, то есть, условном настоящем, за которое несут ответственность граждане конкретного государства по факту принадлежности к нему. Оценивая, например, рабовладение и дискриминацию чернокожего населения, культура отмены не опирается на принцип историзма – важными оказываются современные оценки и современная нормативная парадигма. При этом оценивается не событие/действие само по себе, санкция подвергаются конкретные люди, допускающие высказывания на эту тему.

Таким образом, можно предположить, что речь идет о новом варианте коллективной ответственности, которая, как и политическая ответственность, ориентирована на происходящее в настоящем и имеет институциональный характер, однако предполагает, как в случае с исторической ответственностью, конструирование субъекта в процессе формирования соответствующего дискурса. То есть, значение имеют не конкретные следствия четко обозначенных акторами преступлений, за которые сообщество должно взять на себя ответственность – отдельный представитель сообщества может не иметь (и как правило не имеет) отношения к событиям, за которые отвечает сообщество. Также невозможно говорить об этом варианте

коллективной ответственности исключительно как о моральной или – тем более – юридической. Если «ответственность как ценность и как нормативное требование востребуется в связи с формированием и трансформацией современных обществ» (Сыров 2020: 111), то неудивительно, что ее трактовки меняются в связи с развитием этих обществ.

Важным отличием этого варианта коллективной ответственности является изменение целей акторов. Несмотря на большую соблазн провести параллели между санкциями, направленными против россиян, и соответствующими действиями по отношению к немцам после окончания Второй мировой войны, различий оказывается намного больше. Во-первых, несмотря на определенное влияние Нюрнбергского трибунала и решений стран-союзников, имеет смысл говорить о том, что ответственность была взята жителями Германии, а не вменена им, как происходит в случае попыток отмены русской культуры. Во-вторых, и это представляется более важным, несмотря на серьезные санкции, которые были наложены на Германию, они не касались немецкой культуры и ее оценок. Случаи исключения каких-либо персоналий, произведений могли иметь место внутри государства (что вполне соответствует концепции культурной гегемонии) – например, попытка исключения творчества представителей дворянства и буржуазии в отдельные периоды истории Советского Союза как классово чуждых, однако сложно найти такие прецеденты в отношениях между государствами. То есть, канселлинг переносит дискурс ответственности в поле международных отношений; речь теперь идет не только о преодолении сообществом внутри государства своего прошлого, оценке событий своей истории или решениях представителей политической элиты, но высказываний и действий, направленных на представителей другого суверенного государства, которым не предшествовали какие-либо официальные процедуры, позволяющие говорить о вменении вины.

В этой ситуации, выступая в качестве политического процесса, канселлинг крупных сообществ не направлен на изменение текущих социальных условий и борьбу со структурным неравенством, а представляет собой воздействие на политическую ситуацию и побуждение к политическим решениям. То есть, другое сообщество, обозначая себя как моральную ин-

станцию, маркирует какие-либо действия как «неправильные» и определяет санкции, предполагающие возвращение условно «правильного» порядка. Здесь стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, как и в случае отмены отдельных людей или брендов, канселлинг крупных сообществ предполагает исключение представителей этого сообщества из публичного поля; то есть, акторы занимают условную над-позицию и говорят от лица не другого сообщества (другого государства, культуры), а инстанции, позволяющей исключить («демократический мир», «прогрессивное человечество»); суждения акторов таким образом приобретают нормативный характер. Во-вторых, проблема коллективной ответственности в этом случае может быть проинтерпретирована как проблема сохранения социального порядка, причем этот порядок мыслится как универсальный, из которого и следует определенная нормативная парадигма, однако с высокой степенью вероятности у отменяемого сообщества тоже есть представления о мыслимом им как универсальном социальном порядке и нормативной парадигме. В момент санкций сообщество побуждается к изменению своей ценностной ориентации.

Еще одни параллели, которые могут возникнуть при чтении этой статьи, связаны с преследованием по религиозному признаку. Как и в случае канселлинга крупных сообществ, здесь имеет место политическое решение и апеллирование к высшей моральной инстанции, а также «действия, направленные на лишение людей политических прав и принуждение меньшинств к ассимиляции, отъезду или жизни в качестве граждан второго сорта» (Smith 2015: 26). Оба явления связаны с идентичностью и в значительной степени представляют собой социальные процессы, реализация которых зависит, прежде всего, от социального контекста, который и определяет различия преследований по религиозному признаку и современного канселлинга. Во-первых, канселлинг представляет собой следствие исторической идентичности как одной из форм коллективной памяти. Во-вторых, его функционирование и применяемые санкции напрямую связаны с новой этикой и возможны только в современном информационном пространстве. Канселлинг, в отличие от религиозных преследований, возникает в дискурсивном поле и на своём первом этапе заключается в исклю-

чении из этого поля и информационного пространства вообще. Ризоматическая структура новых медиа предполагает не отражение реальности, а конструирует реальность самой по себе (Савчук 2013: 202), образа без оригинала (Бодрийяр 2015: 20–23), что позволяет говорить о «коннективном повороте» (Hoskins 2011). Этот аспект оказывается источником возможностей для перманентной пересборки идентичностей – вещи (люди, отношения, объекты, события), подверженные коннективному повороту, находятся в постоянном движении и становятся более видимыми благодаря связанности культуры постдефицита (Hoskins 2011: 271). Признание динамичности исторической идентичности является следствием отказа от онтологического статуса прошлого и конструирования истории в качестве набора инструментов и «автобиографии сообщества» (Leone, Curigliano 2009). В случае исторической идентичности, в отличие от устойчивой религиозной – что и побуждает преследования – прошлое становится практическим в том смысле, который имел в виду Х. Уайт, то есть, не столько представляет собой знание о произошедшем, сколько оказывается ресурсом для решения повседневных проблем или этических коллизий. Если от религиозных преследований можно избавиться, приняв веру преследующих, то в мире канселлинга покаяние не избавляет от санкций, к тому же, универсализация темпоральности, характерная для культуры отмены, приводит к равнозначному применению санкций по отношению не только к современникам, но и к умершим представителям сообщества.

Таким образом, культура отмены постулирует особый вид коллективной ответственности, субъект которой не совпадает с актором и конструируется в момент вменения санкций. Следствием этого является повышение уровня солидаризации внутри отменяемого сообщества. Цели акторов в этом случае связаны не с изменением текущих социальных условий и борьбой со структурным неравенством, а с воздействием на политическую ситуацию и побуждением к политическим решениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдеева И.А.* 2019. К проблеме определения объекта исторической ответственности // *Философия и общество*. № 3. С. 82–94.
- Аникин Д.А., Линченко А.А.* 2022. Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиаре-

презентаций // Вестник Томского государственного университета. № 474. С. 110–118. DOI 10.17223/15617793/474/12

Арендт Х. 2013а. Коллективная ответственность // Арендт Х. Ответственность и суждение. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. С. 205–217.

Арендт Х. 2013б. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. С. 47–82.

Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Москва : Постум. 240 с.

Бойко А.В. 2021. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. № 28. С. 4–8.

Буллер А., Линченко А.А. 2023. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 39, № 3. С. 423–435. DOI 10.21638/spbu17.2023.302

Головашина О.В. 2021. Социальные рамки исторической ответственности: в поисках рациональных оснований исторических оценок // Диалог со временем. № 76. С. 20–30. DOI 10.21267/AQUILO.2021.76.76.027

Головашина О.В. 2024а. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 38–54. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

Головашина О.В. 2024б. Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность // Вестник Томского государственного университета. № 501. С. 60–68. DOI 10.17223/15617793/501/7

Деррида Ж. 2012. Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного. Санкт-Петербург : Machina. 115 с.

Зиновьева О.М. 2015. Этика, политика и историческая ответственность // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 1/2. С. 32–35.

Йонас Г. 2004. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Москва : Айрис-Пресс. 480 с.

Каспэ С.И. 2023. Не по Шмитту: политическая теология современных войн // Россия в глобальной политике. Т. 21, № 5. С. 96–107. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-96-107

Мусьева Д.М. 2022. «Гибридная война» коллективного Запада против России // Информационные войны. № 2. С. 29–35.

Нисневич Ю.А. 2013. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования. № 4. С. 62–74.

Рикер П. 2005. Справедливое. Москва : Гнозис : Логос. 304 с.

Савчук В.В. 2013. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманит. акад. 350 с.

Симхович В.А. 2022. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Данилов А.Н., Похомова А.А. (ред.) Современный социум: социология жизни

(междисциплинарный профиль) : материалы I Междунар. науч.-метод. междисциплин. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 нояб. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т. Фак. философии и социал. наук; редкол.: А.Н. Данилов (гл. ред.), А.А. Похомова. Минск. С. 212–219.

Сыров В.Н. 2019. Дискуссия о свободе воли и моральной ответственности: где перспективы? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 51. С. 88–97. DOI 10.17223/1998863X/51/9

Сыров В.Н. 2020. Историческая ответственность: За пределами проблемы соотношения свободной воли и детерминизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 57. С. 108–127. DOI 10.17223/1998863X/57/11

Сыров В.Н. 2021. Роль морального принципа в формировании и функционировании идеи ответственности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 62. С. 40–53. DOI 10.17223/1998863X/62/4

Сыров В.Н., Агафонова Е.В. 2021. Конструктивизм и проблема ответственности // Tempus et Memoria. Т. 2, № 2. С. 56–64. DOI 10.15826/tetm.2021.2.013

Цибизова И.М. 2022. Гипермораль, особенности идеологий постмодерна и информационные войны // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. № 3. С. 78–95. DOI 10.31249/rphil/2022.03.12

Чугров С.В. 2022. Культура отмены в мировой политике: историко-культурные корни // Полис. Политические исследования. № 5. С. 88–98. DOI 10.17976/jpps/2022.05.07

Энтина Е.Г. 2022. От «отменённой России» к странцевизации // Россия в глобальной политике. Т. 20, №. 5. С. 98–108. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108

Яснерс К. 1999. Вопрос о виновности. Москва : Прогресс. 146 с.

Herzog A. 2004. Hannah Arendt's Concept of Responsibility // Studies in Social and Political Thought. Vol. 10. P. 39–52.

Hoskins A. 2011. 7/7 and Connective Memory: International Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture // Memory Studies. Vol. 4, № 3. P. 269–280. DOI 10.1177/1750698011402570

Leone G., Curigliano G. 2009. Coping with collective responsibilities An explorative study on Italian historical identity across three generations // Journal of Language and Politics. Vol. 8, № 2. P. 305–326. DOI 10.1075/jlp.8.2.07leo

Rüsen J. 2004. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. Vol. 43, № 4. P. 118–129. DOI 10.1111/j.1468-2303.2004.00301.x

Smith D.T. 2015. Religious Persecution and Political Order in the United States. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 273 p.

Young I.M. 2004. Responsibility and Global Labor Justice // The Journal of Political Philosophy. Vol. 12, № 4. P. 365–388. DOI 10.1111/j.1467-9760.2004.00205.x

Oksana V. Golovashina

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ovgolovashia@mail.ru

From Cancel-Culture Sanctions to a New Form of Collective Responsibility

Abstract. The paper sets out to investigate how the practices and discourses of cancel culture as applied to large communities can be used to clarify some aspects of the manifestation of collective responsibility under changing socio-political conditions. A theoretical and methodological basis of the work was formed by the ideas of Immanuel Kant, Hannah Arendt and Iris Marion Young, according to which collective responsibility is understood as a relationship determined by the degree of belonging to a community and participation in the causes of actions that gave rise to the question of responsibility. The modern ethics of responsibility presupposes a transition to a pragmatic justification by the individual of his or her own moral position, which actualises the idea of the degree of involvement of the individual in the actions of the community. However, the individual turns out to be responsible not so much for the actions of the community as for his or her own moral choices. Moreover, while cancellation practices affecting large communities draw attention to the political aspect of collective responsibility, this does not necessarily imply that the collective responsibility associated with cancel culture is political. Thus the phenomenon of cancel culture can be seen as constituting a new version of collective responsibility characterised by the following features: (1) Focus on what is happening in the present; (2) Institutional character; (3) Involving the construction of a discourse-forming subject at the moment of imposing cancellation sanctions, which does not however coincide with the actor; (4) The subject is determined by the degree of belonging to the community rather than by the specific actions taken; (5) The supposed goals of the actors are related to influencing the political situation and encouraging political decisions.

Keywords: cancel culture; collective responsibility; political responsibility; historical responsibility; cancellation of Russian culture